

Злата Лилина
"Мэй Раддмил"

Злата Лилина
Мэй Раддмил

«Автор»

2026

Лилина З.

Мэй Раддмил / З. Лилина — «Автор», 2026

В книге рассказывается о Мэй Раддмил — девушке, в жизни которой магия и чувства тесно переплелись. Её сердце покорено загадочным Варфоломеем — человеком (или существом), чья природа окутана тайной, а связь с потусторонними силами способна как спасти, так и погубить. Мир, где живёт Мэй, пронизан магией: она не просто инструмент для свершения чудес, но и источник опасностей — древних проклятий, запретных ритуалов и вековых конфликтов. Пытаясь разобраться в своих чувствах к Варфоломею, героиня всё глубже погружается в магическую изнанку реальности и узнаёт, что их связь предопределена судьбой. Но цена этого предназначения может оказаться слишком высокой: чтобы быть вместе, Мэй и Варфоломей должны бросить вызов могущественным силам, готовым любой ценой разорвать их союз.

© Лилина З., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Гибель родителей.	5
Глава 2. Гробовщик	10
Глава 3. Таинственная привязанность	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Злата Лилина

Мэй Раддмил

Глава 1. Гибель родителей.

Особняк семьи незримо застыл на холме, напоминая, старого нахохлившегося ворона, который жил в их местностях. Это была загадочная, таинственная птица, прилетевшая неизвестно откуда. Когда, она была маленькой, то она упала в озеро, но огромный иссиня-черный ворон спас ей жизнь. В ее доме никогда не смеялись громко, окна почти всегда были занавешены тяжелыми пыльными портьерами, а в воздухе вечно пахло сушеной полынью, старой бумагой и воском. Это было столь мрачное место, но именно здесь, в ледяную пятницу 13 января, под завывание метели, под вороний крик, под священный крик кладбища - родилась девочка. Родители, люди замкнутые и преданные оккультным наукам, настоящие маги нарекли её Мэй — именем, которое в их тайных семейных книгах переводилось как «подземный мир» или «тьма».

Мэй же росла не такой, как обычные дети. Она не играла в куклы, если только не шила им крошечные саваны, или не устраивала им смерти, не мастерила им чудесные гробики. Более того, она избегала солнечного света. Её истинной страстью были лишь книги. В огромной библиотеке отца она находила труды по спиритизму, древней магии и алхимии, демонологии, вчитываясь в пожелтевшие страницы до глубокой ночи. Но больше всего окружающих пугал её взгляд. Мэй обладала редкой, завораживающей гетерохромией. Её левый глаз был глубокого, болотно-зеленого, почти карего цвета — цвета сырой осенней земли. Правый же глаз сиял чистой, пронзительной небесной синевой, холодной и далекой. Казалось, одним глазом она смотрит в могилу, а другим — в бесконечность неба. Прямые угольно-черные волосы обрамляли её бледное лицо, спускаясь ниже талии. Каждый, кто ловил на себе ее туманный взор, ощущал присутствие чего-то божественного и одновременно глубоко темного, и это настораживало. Кто она?

Однажды, ей приснился сон, как она упала с огромного замка самого дракулы, и ее подхватил огромный ворон, унеся ее в свою обитель. Чуть позже, он превратился в мужчину с голубыми, цвета неба глазами. Он был прекрасен, как луна, и светился, будто, сам святой. Но тогда она не поняла этого созерцания.

Мэй никогда не изменяла своему фирменному стилю. День за днем она носила одно и то же платье из тяжелого черного вельвета с глухим воротником и манжетами из гладкого, как смола, атласа. На ногах её всегда были строгие кожаные туфли, а на плечи она неизменно набрасывала тонкую черную шаль, в которую куталась, словно защищаясь от невидимого сквозняка.

Когда Мэй исполнилось три года, в семье родился второй ребенок — мальчик. Его назвали Ями, что на древнем наречии означало «тьма». Словно в противовес сестре, Ями был тихим, почти бесшумным ребенком. Он рос в тени Мэй, перенимая её любовь к тишине и тайнам. Между братом и сестрой возникла странная, почти телепатическая связь: им не нужны были слова, чтобы понимать друг друга. Когда было грустно ему, то и она чувствовала тяжесть в груди и меланхолию, и то же самое было, и с братом. Они часто радостно бегали вечерами по берегу моря, когда навязчивое солнце закатывалось, собирая камушки и ракушки. Тогда они были самые счастливые.

...Но все изменилось в один из дождливых октябрьских вечеров, когда Мэй исполнилось шестнадцать, а Ями — тринадцать. Родители не вернулись из своей тайной лаборатории, расположенной в глубоком подвале под особняком. Когда встревоженная Мэй спустилась туда, ведя за руку младшего брата, они обнаружили лишь две остывшие фигуры за круглым риту-

альным столом. На лицах отца и матери застыло выражение глубокого, почти блаженного умиротворения, а вокруг них все еще витал едва уловимый запах серы и сгоревших благовоний. Пахло чем-то жутким, а их лица были особенно странные. Спиритический сеанс, который они проводили, пошел не так. Или, наоборот, слишком так. Девочка подошла к маме и папе, и увидела, что кто-то, словно, забрал их души. Что же могло случиться, лихорадочно думали дети.

Оставшись круглыми сиротами в огромном пустом доме, тринадцатилетний Ями и шестнадцатилетняя Мэй стояли у свежих могил на семейном кладбище на заднем дворе. Дождь грустно барабанил по черному шелку шали Мэй. Даже он, тихий и милый, не остался в стороне. Он сопереживал им, посылая свои капли, как слезы самих покровителей, которые любили и хранили их. Она крепко сжимала бледную ладонь брата.

- Теперь мы совсем одни, Мэй? — негромко спросил Ями, глядя на сестру своими темными, как грозовое облако, глазами.

Мэй повернула к нему свое бледное лицо. Её разноцветные глаза грустно блеснули в полумраке угасающего дня. Она глубоко вздохнула...

- Мы никогда не бываем одни в этом доме, Ями, — тихо ответила она, и уголки её губ тронула едва заметная улыбка, — наша семья просто перешла на другую сторону. И теперь нам нужно: научиться с ними разговаривать. Все будет хорошо.

Вернувшись в дом, они заперли за собой тяжелую дубовую дверь, отсекая холодный, враждебный мир снаружи. В огромной гостиной, погруженной в полумрак, ярко горел камин. Огонь лениво лизал старые поленья, отбрасывая на стены длинные, дрожащие тени, которыми владела юная ведьма. Здесь, в относительной безопасности теплого очага, Ями не выдержал. Одиночество и страх, которые он сдерживал на кладбище, хлынули наружу. Мальчик испуганно заплакал — тихо, с надрывом — и крепко прижался к сестре, уткнувшись лицом в мягкий черный вельвет её платья. Мэй же обняла его в ответ. Она всегда казалась непоколебимой скалой посреди шторма. Она была невероятно сильной, как никогда, однако, внутри нее, медленно все разрушалось. Она чувствовала, как небо стало совсем черное, напоминающее личный апокалипсис, а дверей, будто, и никогда не было. Но её тонкие бледные пальцы гладили брата по темным волосам, а на плечи ложилась тяжелая черная шаль, укрывая их обоих от внешнего мира.

- Тише, Ями, тише, — прошептала она, и её голос прозвучал удивительно мягко и глубоко, — я здесь. Я всегда буду с тобой. Я обещаю тебе: я буду любить тебя и защищать, чего бы мне это ни стоило. Никто и ничто не причинит тебе вреда, пока я жива.

Снаружи бушевала настоящая буря. Дождь бешено колотился в окна, а вспышки молний были такими частыми, дребезжащими, пугающими и яркими, что на мгновение озаряли гостиную мертвенно-белым светом. От оглушительных раскатов грома, казалось, содрогался весь вековой фундамент особняка.

И в этот момент по бледной щеке Мэй покатилась одинокая, чистая слеза. Она медленно скользнула мимо её разноцветных глаз и упала на атласный воротник. Это было невероятное событие. За все свои шестнадцать лет Мэй плакала лишь во второй раз в жизни. Первый раз это случилось, когда ей было всего восемь лет — тогда умер её любимый питомец, гигантский паук-птицеед, которого она сама выхаживала. С тех пор её лицо оставалось бесстрастным, какие бы невзгоды ни случались. И вот теперь — второй раз. Эта скупая слеза была знаком её глубочайшей любви к брату и скорби по ушедшим родителям. Почувствовав настроение хозяев, к камину потянулись их верные спутники. Из темноты угла бесшумно вышагнул Бегемот — огромный угольно-черный кот с желтыми, как янтарные бусины, глазами. Он запрыгнул на колени к Мэй и сочувственно замурчал, задрал голову и нежно утыкаясь мокрым носом в её ладонь, словно пытаясь утешить. С плеча девочки, обвивая её шею живым воротником, медленно соскользнула змея по имени Чернобог. Её гладкая, иссиня-черная чешуя тускло поблескивала в свете пламени. Она доверчиво уложила свою плоскую тяжелую голову на плечо Мэй,

тихонько пошипывая и разделяя их общее тепло. А к ногам Ями подошел Грэй — крупная, преданная немецкая овчарка. Пес тихонько заскулил, ткнулся лбом в колени мальчика и положил свою массивную голову ему на бедро, преданно глядя снизу вверх умными, сопереживающими глазами.

Они сидели так очень долго. Двое сирот и их преданные животные, сплотившись перед лицом неизвестности под защитой древнего дома, пока буря снаружи тщетно пыталась пробиться сквозь стены. Чернобог, до этого мирно лежавший на плече Мэй, внезапно зашевелился. Его черное мускулистое тело напряглось, он приподнял голову, словно прислушиваясь к какому-то неслышимому для человеческого уха зову. Скользнув на пол, змея уверенно поползла прочь от камина, шурша чешуей по старому паркету. Мэй проводила его взглядом своих разноцветных глаз.

- Идем, Ями, — тихо, но твердо сказала она, поднимаясь на ноги. Черная шаль зашуршала, окутывая её плечи.

Ями, все еще шмыгая носом, поднялся вслед за ней, инстинктивно держась за край её вельветового рукава. Грэй и Бегемот бесшумно двинулись следом.

Чернобог привел их в самый дальний, темный угол библиотеки, скрытый за тяжелым гобеленом, изображающим увядающий сад. Змея замерла у незаметной щели в стене. Присмотревшись, Мэй увидела замочную скважину, искусно замаскированную под деревянный узор. Мэй вспомнила слова матери, которые та часто повторяла им в детстве: «В этом доме есть двери, которые должны оставаться закрытыми. Никогда не ищите то, что спрятано за ними». Но теперь родителей не было. Тайны этого дома принадлежали им. Осмотревшись, Мэй заметила на каминной полке неподалеку старинную шкатулку в форме черепа, которую отец всегда просил не трогать. Она подошла, открыла её и обнаружила на дне тяжелый, холодный железный ключ, покрытый странными рунами.

Вернувшись к тайной двери, девочка вставила ключ в скважину. Раздался тяжелый, скрежещущий щелчок. Дверь со стоном отворилась, явив им узкую винтовую лестницу, уходящую глубоко вниз. Спустившись, они оказались в полумраке скрытой комнаты. Воздух здесь был сухим и пах сушеной лавандой, воском и чем-то острым, металлическим. Зажженная Мэй свеча выхватила из темноты стеллажи, заставленные невероятными вещами. Здесь были старинные гримуары в кожаных переплетах, склянки с мерцающими жидкостями, ритуальные чаши и странные костяные инструменты.

Но больше всего пугала центральная полка. Там, ровными рядами, сидели старинные куклы. У некоторых были потрескавшиеся фарфоровые лица, у других — тельца из потемневшего тряпья, третьи были вырезаны из темного дерева. На лбу каждой куклы был выжжен или нарисован кровью сложный защитный символ — печать, тот самый крестик.

Внутри этих кукол что-то шевелилось. Сквозь стеклянные и нарисованные глаза пробивался едва заметный, зловещий кровавый свет. Мэй и Ями слышали едва различимый, сводящий с ума шепот, скрежет крошечных когтей по дереву полки и тихий, злобный смех. В этих куклах были запечатаны настоящие бесы — злобные духи подземного мира, которых их родители годами собирали и подчиняли своей воле. Грэй мгновенно оскалился, прижав уши к голове и глухо зарывчав. Кот Бегемот выгнул спину дугой, его шерсть встала дыбом, а глаза заискрились диким янтарным светом.

Ями затрясся от ужаса. Он крепко вцепился в Мэй, пряча лицо за её плечом. Он очень боялся этого.

- Мэй... они живые... они смотрят на нас, — зашептал он дрожащим голосом, продолжая, — уйдем отсюда, пожалуйста!

Мэй, однако, даже не дрогнула. Её бледное лицо оставалось абсолютно спокойным, словно высеченным из мрамора. Она сделала шаг вперед. Её разноцветные глаза — левый, цвета сырой земли, и правый, небесно-голубой — холодно и властно уставились на шевеля-

щихся в куклах бесов. В её взгляде не было и капли страха — только леденящее любопытство и сила, унаследованная от предков. Почувствовав этот взгляд, куклы на мгновение затихли. Шепот прекратился. Демонические создания внутри игрушек словно прощупывали силу новой хозяйки дома.

- Они не причинят нам вреда, Ями, — холодно произнесла Мэй, не отводя взгляда от кукол, - они заперты. И теперь они подчиняются нам. Мы можем этим воспользоваться.

От испуга Ями попятился назад. Его локоть задел край деревянной полки. Раздался глухой стук, и одна из старейших кукол — уродливая огромная кукла с фарфоровой головой и полустертой кровавой печатью на лбу — полетела вниз. Бамс!

Фарфор со звоном разлетелся на осколки. В ту же секунду защитная печать раскололась, и из обломков куклы с шипением вырвался густой, маслянисто-черный дым. Он стремительно разрастался, заполняя подвал удушливым запахом гнили и серы. Из дыма соткался жуткий силуэт: костлявое существо с длинными когтями, козьими рогами и горящими, как угли, красными глазами.

Бес оскалил пасть, усаженную острыми гнилыми зубами, и оглушительно закричал. От этого крика у Ями заложило уши, он упал на колени, закрывая голову руками. Овчарка Грэй яростно залаяла, бросаясь вперед, но невидимая сила отбросила пса назад. Кот Бегемот зашипел, вздыбив шерсть, а Чернобог сжался в тугой узел у ног Мэй. Бес устремил свой горящий взор на шестнадцатилетнюю девочку. Он почувствовал её силу и почувал её страх за брата.

- Отпусти меня! Разбей остальные куклы! — завыл бес, его голос звучал как скрежет железа по стеклу, продолжая, - делай это, девчонка, и я верну твоих родителей! Я вырву их души из преисподней и вدمу в их холодные тела жизнь! Ты ведь хочешь этого? Хочешь снова увидеть мать и отца?!

На мгновение в подвале воцарилась тишина, нарушаемая лишь всхлипами Ями. Любой другой ребенок поддался бы на эту уловку, но не Мэй. Она прекрасно знала законы черной магии. Ни один бес не способен вернуть мертвых, а если бы и попытался, то вместо родителей они получили бы восставших из могил чудовищ. Это было наглое, скверное вранье.

- Твои слова — прах, — холодно и отчетливо произнесла Мэй.

Её разноцветные глаза зловеще блеснули в полумраке. Голубой глаз казался куском льда, а зелено-карий — бездонной могилой. Она не дрогнула. Спокойно протянув руку, Мэй сорвала со своей шеи старинный серебряный кулон-пентаграмму — подарок матери. Она начала быстро шептать латыни заклинание изгнания, которому научилась из отцовских гримуаров. С каждым её словом кулон в её руке разгорался мягким серебристым светом. Бес закричал от боли, когда этот свет коснулся его черного тела. Он попытался броситься на Мэй, но невидимый барьер преградил ему путь. Черный дым начал вытягиваться обратно, сжиматься под давлением воли молодой ведьмы. Мэй сделала шаг вперед, её черное вельветовое платье шуршало по каменному полу. Она направила кулон прямо на осколки кукол.

— *In nomine tenebrarum, redi ad vincula!* (Во имя тьмы, вернись в оковы!) — властно выкрикнула она.

С оглушительным воем бес окончательно рассыпался на искры и втянулся в уцелевшую фарфоровую голову куклы. Мэй тут же подбежала, выхватила из кармана ритуальный мел и быстрым, точным движением нарисовала на осколке новую, сдерживающую печать.

Все стихло. В подвале снова воцарился покой, нарушаемый лишь тяжелым дыханием детей. Мэй повернулась к брату, помогла ему подняться и крепко обняла, шепча, что все будет хорошо.

На следующий день у ворот особняка зашуршали шины. Смерть родителей не осталась незамеченной. Поскольку Мэй и Ями были несовершеннолетними, за ними приехали представители органов опеки в сопровождении полиции.

Дом опечатали. Детей решили временно отправить в местный приют для сирот — серое, угрюмое здание на окраине города с железными решетками на окнах. Забрать с собой питомцев им, разумеется, не разрешили. Но Мэй была слишком умна, чтобы подчиниться глупым правилам. Перед уходом она наложила на Чернобога заклинание невидимости, и змея спокойно обвилась вокруг её талии под теплым вельветовым платьем. Кот Бегемот, обладая собственной магической природой, просто растворился в тенях и последовал за повозкой опекунов, незаметно проскользнув на чердак приюта. Овчарку Грэя Мэй оставила охранять территорию особняка, прошептав псу на ухо: «Жди нас здесь. Мы скоро вернемся». Грэй понимающе гавкнул и скрылся в тумане заднего двора.

Приют оказался ужасным местом. Здесь пахло хлоркой и дешевой едой, а строгие воспитатели смотрели на бледных, странно одетых брата и сестру с подозрением и неприязнью. Их заперли в разных комнатах: Ями — в крыле для мальчиков, Мэй — для девочек.

Вечером, когда в приюте объявили отбой, Мэй сидела на жесткой кровати. Её черная шаль была наброшена на плечи. На коленях у нее лежал Чернобог, который уже сбросил невидимость и тихо грелся о её руку.

Мэй знала: они не останутся здесь надолго. Она припомнила рассказы отца об их дальней родственнице — двоюродной бабушке по материнской линии, леди Клотильде. Она жила в старинном уединенном поместье на севере страны, вела затворнический образ жизни и, поговаривали, тоже практиковала древние искусства.

Достав из потайного кармана платья обрубок карандаша и клочок бумаги, Мэй при свете луны начала писать письмо:

«Дорогая, тетя, Клотильда.

Наши родители умерли во время спиритического сеанса. Мы с Ями остались совершенно одни, мы сейчас в приюте. Я знаю, кто мы и кем являетесь Вы. Нам нужно опекунство, чтобы вернуться к семейным делам и защитить наше наследие. Заберите нас отсюда, как можно, скорее.

Мэй и Ями.»

Она аккуратно свернула записку. В окно тихо поскребся Бегемот, пробравшийся по пожарной лестнице. Мэй открыла раму, погладила черного кота по голове и вложила записку ему в зубы.

- Отнеси это Клотильде, Бегемот. Ты знаешь дорогу. Беги быстрее ветра, — прошептала она, нежно погладив дружка.

Кот понимающе блеснул желтыми глазами, спрыгнул на ветку дерева и растворился в ночной темноте. Девочка легла на скрипучую кровать, взяла книгу Гомера «Илиаду». Пожалуй, это был ее любимый роман, который она когда-либо читала. А сейчас, ей нужно было успокоиться и раствориться в совершенно ином мире. В глубине ее души, корабль метался и потерпел крушение, однако, снаружи она была по-прежнему бледна и тиха, как и всегда.

Глава 2. Гробовщик

Жизнь в приюте была серой и однообразной, напоминая застоявшуюся болотную воду. Но появление Мэй — бледной девочки в черном вельветовом платье, окутанной аурой мрачной тайны нарушило этот сонный покой. Тут заправляли две задиры: Кира, крупная девчонка с грубыми манерами, и её подруга Виктория, чьи глаза вечно выискивали, над кем бы посмеяться. Собрав вокруг себя небольшую компанию, они решили, что новенькая — это отличная мишень для издевательств. Они подкараулили Мэй у окна, когда та задумчиво смотрела на качающиеся под ветром ветви деревьев.

- Эй, ты, чучело в бархате! — громко крикнула Кира, привлекая внимание остальных девочек, - ты что, на похороны собралась? Или у тебя просто нет нормальной одежды?

Мэй строго и презрительно взглянула на нее исподлобья, прищурившись.

- Гляньте на её глаза! — прыснула со смеху Виктория, - один зеленый, другой голубой. Она что, косая? Или наполовину слепая? Эй, ведьма, ты нас вообще видишь?

Остальные девочки захихикали. Любая другая сирота на месте Мэй разрыдалась бы или убежала, но она даже не вздрогнула. Она приняла угрожающую позу. Её черная шаль мягко скользнула по плечам. Мэй устремила на Киру и Викторию свой леденящий, разноцветный взгляд. В глубине её зелено-карего глаза словно зашевелились могильные тени, а небесно-голубой вспыхнул зимней стужей. На лице девочки не отразилось ни гнева, ни обиды — только бесконечное, презрительное равнодушие.

- Твой рот открывается слишком часто, Кира, но ума в твоих словах меньше, чем в голове дождевого червя, - тихо, но так отчетливо, что смех в комнате мгновенно смолк, произнесла Мэй, - а что касается тебя, Виктория... Твоя дешевая злость — лишь попытка скрыть то, как сильно ты боишься темноты под своей кроватью. Советую тебе держать свои руки и язык при себе. Иначе я могу сделать так, что твои ночные кошмары придут к тебе наяву. И поверь, они будут гораздо страшнее моих глаз.

Голос Мэй звучал ровно, без крика, но в нем была такая темная, потусторонняя сила, что Киры и Виктории побежали мурашки по коже. Улыбки сползли с их лиц. Они попятились, внезапно почувствовав, как в теплой комнате повеяло могильным холодом. Но они затаились на время, однако, в их сердцах бушевало желание осадить ее и унижить. Обидчицы поспешно ретировались в свой угол, стараясь даже не смотреть в сторону Мэй.

А она одиноко снова повернулась к окну, поправляя воротник платья. Чернобог под её одеждой одобрительно сжался вокруг талии. Спустя некоторое время, когда напряжение немного спало, она направилась в свою комнату, где она была с тремя другими девочками. К кровати Мэй несмело подошла соседка. У нее были мягкие каштановые волосы, собранные в небрежный хвостик, и теплые карие глаза. Её лицо нельзя было назвать классически красивым: нос был слегка курносый, а линия подбородка — неровной, но эти неправильные черты лица делали её невероятно милой и по-своему очень симпатичной. В её облике было что-то искреннее и светлое. Ее сердце быстро начало биться, она заволновалась при виде нее.

- Здравствуй, — негромко сказала она, протягивая Мэй половинку яблока, - меня зовут Валерия. Ты здорово их умыла. Они уже полгода тут всех терроризируют. Ты очень смелая.

Мэй медленно перевела на нее взгляд. Она не взяла яблоко, продолжая сидеть с прямой спиной и сложенными на коленях руками. Она не желала идти на контакт, поэтому высокомерно хмыкнула себе под нос.

- Благодарю за зрелище, конечно, — улыбнулась собеседница, ничуть не смутившись холода новой знакомой, - но я подумала... Мы обе тут новенькие, точнее, я тут всего месяц. Давай дружить? Вместе здесь выживать легче.

Мэй вновь также отрешенно посмотрела на нее, а именно в ее теплые карие глаза. На секунду ей показалось, что эта девочка действительно хорошая. Но у нее была цель — защитить Ями и выбраться отсюда. Для дружбы в её сердце, полном теней и древней магии, просто не было места.

- Я не ищу общения, Валери, - холодно и прямо ответила Мэй, - и дружба мне не нужна. Держись от меня подальше. Это ради твоего же блага.

Она на мгновение растерялась, её улыбка угасла, а в карих глазах промелькнула грусть. Но она не разозлилась. Она медленно убрала яблоко.

- Хорошо, - тихо сказала собеседница, шмыгая носиком, - но если тебе вдруг понадобится кто-то... просто поговорить, я буду рядом.

Она повернулась и отошла к своей кровати. Мэй проводила её взглядом, чувствуя, как под платьем беспокойно шевелится Чернобог. Девочка знала: её путь полон тьмы, и втягивать в него обычных людей было бы слишком опасно.

В мужском крыле приюта жизнь Ями превратилась в сущий ад. Мальчишки в его комнате — четверо подростков, шумных и жестоких в своей сплоченности, — с первого же дня почувствовали в Ями чужака. Ему не помогло даже то, что он был тихим и старался не привлекать внимания. Его бледность, его отрешенный взгляд и то, как он постоянно оглядывался, словно ожидая чего-то, вызывали у местных «хозяев» жизни лишь желание поиздеваться. Они прятали его вещи, толкали в коридорах и издевательски называли «кладбищенским принцем». Но самыми страшными были ночи. Как только гас свет, Ями накрывало волной леденящего ужаса. Его преследовали сны: он видел родителей, но они не были прежними. Они восставали из земли, их одежды были в сырой могильной глине, а лица искажены застывшей маской смерти. Они медленно, с тяжелым хрипом, шли к нему, и Ями, задыхаясь от страха, понимал, что это действительно они, вернувшиеся, чтобы забрать его в свой темный мир.

А стоило ему открыть глаза в холодном поту, как в темноте спальни ему чудились силуэты тех самых кукол из подвала. Ему казалось, что их стеклянные глаза следят за каждым его движением, а в щелях стен слышится тихий, злобный скрежет их крошечных когтей. Мэй чувствовала это. Их связь, всегда тонкая и незримая, сейчас натянулась, как струна. Она слышала его безмолвные крики о помощи даже сквозь стены.

Этой особенно душной ночью, когда Ями в очередной раз проснулся от кошмара, он услышал странный звук. Кто-то очень ловко и бесшумно пробрался через вентиляционное отверстие. В лунном свете, пробивающемся сквозь решетки, он увидел нечто черное и грациозное. Это был Бегемот. Кот пришел не один. Мэй не могла оставить брата в беде. Она дождалась, когда воспитатели совершат последний обход, и, набросив черную шаль, буквально растворилась в тенях коридора. Для неё, обученной родителями искусству скрытности и магии теней, запертые двери и охранники были лишь помехой, которую легко обойти. Она проскользнула в мужскую спальню. Там, на своей кровати, сжавшись в комок, лежал Ями. Один из обидчиков, крупный парень по имени Марк, как раз собирался подойти к кровати Ями, чтобы в очередной раз его напугать.

Мэй не стала тратить слова. Она встала в углу, где тени были особенно густыми. Её глаза — один зеленый, другой голубой — вспыхнули в темноте, словно два фосфоресцирующих огня. Она едва заметно шевельнула пальцами, сплетая заклинание морока. Марк замер на полу. Его лицо вдруг исказилось от неконтролируемого ужаса. Ему показалось, что пол под его ногами превращается в бездонную черную жижу, а из стен тянутся ледяные палыцы, хватающие его за щиколотки. Он закричал, но звук застрял у него в горле.

Мэй подошла к кровати брата. Она положила прохладную ладонь на его дрожащие плечи.

- Я здесь, Ями, — прошептала она, и её голос прозвучал как целительный бальзам, - больше никто не посмеет тебя тронуть. Сегодня ночью они увидят то, что заслуживают.

Она взглянула на обидчиков Ями. Те лежали, вжавшись в подушки, парализованные ночными кошмарами, которые Мэй наслала на них в ответ за их жестокость. Теперь их сны были полны теней, скрипа дверей и шепота кукол.

- Послушай меня, - сестренка присела рядом с братом, - мы скоро уйдем отсюда. Клотильда получила письмо. Она придет за нами, я это знаю. А пока... Закрой глаза и представь, что ты дома, в своей комнате, где Грэй лежит у твоих ног. Они не могут причинить нам вреда, Ями. Мы — те, кто управляет тьмой, а не те, кто от нее бежит.

Ями глубоко вздохнул, чувствуя, как невидимая аура защиты сестры отгоняет все страхи. Он впервые за много дней закрыл глаза и провалился в спокойный сон. Мэй осталась сидеть рядом, охраняя его покой, пока в дверях не показалась высокая, окутанная плащом фигура, возникшая из пустоты... Внезапно воздух в комнате стал ледяным. Дыхание Мэй и Ями превратилось в белые облачка пара. Пламя свечи, стоявшей на тумбочке, затрепетало и окрасилось в мертвенно-синий цвет. Из сгустившихся теней у дальней стены, прямо перед ними, начала соткаться фигура. Это был призрак. Очень высокий мужчина, чья фигура казалась неестественно вытянутой. Из-под полей старинной широкополой шляпы выбивались кудрявые темно-русые волосы. Его лицо было бледным, почти прозрачным, но на нем резко выделялись пронзительные, чистые голубые глаза, похожие на два осколка льда. Призрак устремил свой холодный взор на брата и сестру. Он приоткрыл рот, и из его груди вырвался звук. Его голос был удивительным — он походил на звучание старинного кларнета: глубокий, слегка хриплый, переливчатый, но бесконечно печальный. Мужчина произнес несколько слов на незнакомом, странном наречии. Звуки лились плавно, но разобрать их смысл было невозможно — они казались шуршанием сухой листвы или шепотом ветра в пустом склепе. Закончив свою непонятную речь, призрак медленно приподнял руку в приветственном или предупреждающем жесте и... растаял в воздухе, оставив после себя лишь легкий запах гробов и мокрой земли.

Ями вжался в плечо сестры, его глаза были широко раскрыты от изумления и страха. Девочка тоже застыла. Она видела много сущностей в отцовском доме, но этот дух не был похож ни на злобного беса, ни на неупокоенную душу. В нем чувствовалась древняя, благородная сила. Но кто он? И что пытался им сказать?

Не успели они прийти в себя, как кот тяжело задышал, его шерсть была влажной от ночной росы. В зубах он бережно держал свернутый в трубочку плотный пергамент, запечатанный сургучом с оттиском семейного герба тети Клотильды — летящей летучей мыши. Мэй забрала письмо, но Бегемот не успокоился. Он взволнованно заходил по подоконнику, тихо, прерывисто мяукая и дергая хвостом. Своими янтарными глазами он то и дело указывал на окно, ведущее во двор приюта. Мэй подошла к подоконнику и прислушалась. Бегемот, обладавший способностью передавать свои мысленные образы хозяйке, заставил её увидеть картинку: темный силуэт у ворот приюта, наблюдающий за окнами.

- Гробовщик... — тихо прошептала Мэй, расшифровывая послание кота, - за приютом следит странный гробовщик?

Ями вздрогнул. Слово «гробовщик» в их ситуации звучало как смертный приговор. Мэй почувствовала, как внутри нее все сжалось от нехорошего предчувствия. Связан ли ночной призрак с этим загадочным наблюдателем у ворот? Или дух пытался предупредить их об опасности?

Развернуть письмо Клотильды Мэй не успела. Из коридора слышались тяжелые шаги дежурного воспитателя. Мэй быстро спрятала письмо в карман вельветового платья, шепнула Ями: «Будь осторожен, мы скоро выберемся», и вместе с Бегемотом и Чернобогом, скользнувшим под её шаль, бесшумно исчезла в темноте коридора, вернувшись в свою спальню.

Наступило утро... Оно было необычайно туманным. Густой, молочно-белый туман выполз из близлежащих низин и полностью окутал приют. Он был настолько плотным, что казалось, будто мир за пределами забора исчез. Вековые деревья во дворе выглядели как кост-

лявые великаны, протягивающие свои ветви-руки к окнам спален. В столовой приюта было шумно. Дети завтракали безвкусной овсянкой. Мэй сидела за столом в своем неизменном черном платье с атласным воротником. Она медленно помешивала кашу, даже не прикасаясь к ней. Её разноцветные глаза задумчиво изучали узоры тумана за окном.

Ями сидел за соседним столом для мальчиков. Он выглядел бледным, но на него больше никто не смел задиаться — его соседи по комнате после вчерашних кошмаров сидели тише воды, ниже травы, бросая на брата и сестру испуганные взгляды. Вдруг двери столовой с грохотом распахнулись. В помещение вошел директор приюта, ведя за собой гостя.

- Дети, минутку внимания, - громко произнес директор, - к нам сегодня пожаловал уважаемый господин.

Мэй медленно и гордо подняла голову. В дверях стоял высокий мужчина в безупречном черном сюртуке. В его руках была высокая трость с набалдашником в виде серебряного черепа. На голове — черная шелковая шляпа-цилиндр. Но самым пугающим было то, что его лицо казалось маской из серой кожи, а на губах блуждала приторная, фальшивая улыбка.

- Позвольте представиться, - произнес гость, и его голос показался Мэй странно знакомым, хотя и звучал совершенно иначе, чем у ночного призрака, - Я господин Варфоломей Раддмил, местный гробовщик и устроитель похорон. Я пришел, чтобы... выразить соболезнования юным Мэй и Ями. И предложить им свою помощь.

Мэй напряглась всем телом. Чернобог под её платьем предостерегающе сжался. Директор приюта услужливо засуетился и проводил гостей в свой кабинет — мрачную комнату с тяжелой дубовой мебелью, где туман за окном казался еще гуще. Мужчина, представившийся Варфоломеем, снял шляпу-цилиндр и элегантным жестом положил её на стол. Ему было двадцать шесть лет. У него были правильные, но слишком резкие, словно высеченные из холодного мрамора черты лица. Но больше всего Мэй поразили его глаза — глубоко посаженные, ледяного серо-голубого цвета. Каждый раз, когда он смотрел на детей, эти глаза странно, почти неестественно сверкали, словно отражая невидимый свет. При этом Варфоломей постоянно прищуривался, будто его раздражал дневной свет или он пытался разглядеть то, что скрыто от обычных людей.

- Присядьте, мои юные родственники, - мягко произнес он, а его голос действительно напоминал глубокое звучание кларнета — гипнотическое, ровное и пугающе спокойное.

Мэй села на кожаный стул, поправив свою черную шаль и расправив складки вельветового платья. Ями робко сел рядом, инстинктивно прижимаясь к плечу сестры.

- Вы, должно быть, удивлены моим визитом, — начал Варфоломей, слегка прищурив свои сверкающие ледяные глаза на Мэй, - Я — Варфоломей. Сын вашей тетушки, глубокоуважаемой леди Клотильды. А значит, ваш двоюродный братец. Я работаю гробовщиком и содержу семейное похоронное бюро.

Мэй молчала, её разноцветные глаза — зеленый и голубой — пристально изучали мужчину. В её кармане лежал пергамент с печатью Клотильды, принесенный Бегемотом на рассвете. Она медленно спросила:

- Если вы его получили, значит, тетя Клотильда...

- Моя мать мертва, дитя, — прервал её Варфоломей, и в его голосе не прозвучало ни капли скорби, лишь холодная констатация факта, - полгода назад её разбил инсульт. К сожалению, наши семьи давно не общались из-за старых разногласий наших родителей, поэтому мы не знали об этом.

Он перевел прищуренный взгляд на Мэй, и его глаза снова странно сверкнули.

- Твой необычный черный кот принес письмо в наше поместье. Я прочитал его. И поскольку я остался единственным законным наследником Клотильды и главой нашего рода, я решил немедленно приехать. Я уже уладил все вопросы с директором приюта и оформил временную опеку над вами. Мы уезжаем сегодня же. В поместье моей матери.

Ями тихонько вздохнул, на его лице отразилось облегчение — перспектива покинуть ужасный приют радовала его. Но Мэй не спешила радоваться. Каждое слово Варфоломея казалось ей выверенным и слишком гладким.

«Он гробовщик... — думала Мэй, ощущая, как под её платьем беспокойно заворочался Чернобог. — Бегемот предупреждал, что за приютом следит странный гробовщик. Но если Варфоломей только что приехал, кто тогда следил за нами ночью? И кем был тот высокий призрак с голосом-кларнетом в комнате Ями?»

Мэй заметила, что Варфоломей то и дело бросает быстрые прищуренные взгляды на её руки, словно пытаясь разглядеть на них следы магии, и на воротник её платья, под которым скрывалась змея. Он явно знал гораздо больше, чем говорил.

- Что ж, Варфоломей, — холодно и спокойно ответила Мэй, выпрямляя спину, - мы поедem с вами. В конце концов, приют — не место для таких, как мы. Но помните: мы не обычные сироты, которых можно просто забрать.

Варфоломей на мгновение замер.

Его ледяные глаза сузились еще сильнее, превратившись в узкие щелочки, а на тонких губах появилась едва заметная, загадочная улыбка.

- Я знаю, кто вы, Мэй. И поверьте, я прекрасно знаю, на что способна ваша кровь. Собирайте вещи. Экипаж ждет у ворот.

Когда они вышли из кабинета, туман на улице стал настолько густым, что черный экипаж Варфоломея, запряженный парой вороных коней, казался призраком, выплывшим из небытия.

- Прошу прощения, - мягко поправил Варфоломей, заметив секундное замешательство Мэй, - я выразился слишком официально. Моя мать, леди Клотильда, приходилась вашей маме родной сестрой. А значит, мы с вами — двоюродные брат и сестра. Пусть разница в возрасте вас не смущает. Хоть мне и двадцать шесть, а тебе, Мэй, всего шестнадцать, мы одной крови. И я сделаю всё, чтобы вы чувствовали себя в безопасности.

Мэй едва заметно кивнула, но внутри неё лишь укрепилось подозрение. Двоюродный брат. Гробовщик со сверкающими, вечно прищуренными ледяными глазами, который забирает их в глухое поместье их покойной тети.

Вскоре все формальности были улажены. Директор приюта, судя по всему, получивший от Варфоломея щедрое «пожертвование», с явным облегчением выставил странных сирот за дверь.

Они сели в черный экипаж. Внутри пахло старой кожей, сухим деревом и едва уловимым, сладковатым запахом формалина и ладана — профессиональным ароматом гробовщика. Ями сразу прижался к сестре. Усталость и пережитые ужасы взяли свое, и под мерный стук копыт по мокрой дороге мальчик крепко заснул, положив голову Мэй на колени. Под широкой черной шалью девочки тихо свернулся Чернобог, согревая её своим телом. Бегемот, верный черный кот, незаметно запрыгнул на запятки кареты еще у приюта и теперь ехал вместе с ними.

Варфоломей сидел напротив. Он всю дорогу молчал, задумчиво глядя в окно на проплывающий мимо серый пейзаж, скрытый туманом. Его ледяные глаза то и дело прищуривались, а пальцы в тонких черных перчатках мерно постукивали по серебряному набалдашнику трости.

Убедившись, что двоюродный брат глубоко погружен в свои мысли, а Ями спит, Мэй осторожно запустила руку в глубокий карман своего вельветового платья. Её пальцы коснулись плотного пергамента — письма, которое принес Бегемот.

Она аккуратно развернула его под прикрытием своей шали, стараясь не шуршать бумагой. Письмо было запечатано семейным гербом Клотильды. Но если тетя умерла полгода назад, кто и когда написал это послание?

Развернув пергамент, Мэй всмотрелась в изящный, слегка дрожащий почерк. Строки были написаны чернилами, которые со временем приобрели бурый, почти кровавый оттенок.

«Мои дорогие Мэй и Ями,

Если вы читаете это письмо, значит, меня уже нет в живых, а Бегемот нашел вас в час великой нужды. Я заколдовала этот пергамент так, чтобы он был доставлен только тогда, когда вам будет грозить опасность.

Я должна предупредить вас о моем сыне, вашем двоюродном брате Варфоломее. Не верьте его мягким речам и его заботе. Он выбрал ремесло гробовщика не просто так. Варфоломей одержим идеей превзойти магию нашего рода. Он ищет способ подчинить себе бесов и открыть врата в Подземный мир, но у него нет той силы крови, которой обладаете вы с Ями.

Он охотится за наследием ваших родителей. Опасайтесь его глаз — он видит сквозь ложь, но и сам черпает силу из чужого страха. Не отдавайте ему кукол.

Тот, кто носит широкополую шляпу и говорит голосом кларнета — ваш единственный союзник. Доверяйте ему.

Берегите друг друга.

Ваша тетя Клотильда».

У Мэй перехватило дыхание. Она быстро спрятала письмо обратно в карман, стараясь сохранить абсолютное хладнокровие на лице. В этот же момент Варфоломей резко повернул голову в её сторону. Его ледяные глаза сверкнули в полумраке кареты, и он прищурился, пристально глядя прямо на Мэй.

- Что-то не так, Мэй? - тихо спросил он своим глубоким, кларнетовым голосом, - ты кажешься бледнее обычного. Дорога утомляет тебя?

Мэй спокойно встретила его взгляд своими разноцветными глазами. Её левый, зелено-карий глаз отражал его подозрительность, а правый, небесно-голубой, казался абсолютно безразличным ко всему миру.

- Всё в порядке, Варфоломей, - как всегда ровно ответила она, поправляя атласный манжет платья, - я просто думаю о том, каким будет наш новый дом. И о том, какие тайны он в себе хранит.

Варфоломей тихо, коротко рассмеялся — звук был сухим, как треск сухих веток.

- О, поверь мне, сестрица. В поместье нашей Клотильды очень много тайн. И мы обязательно разберем их все... вместе.

Карета качнулась и начала замедлять ход. Сквозь туман впереди проступили очертания огромных, кованых ворот, за которыми высился зловещий силуэт старинного поместья.

Экипаж остановился перед огромным, мрачным особняком, который казался еще более зловещим, чем их собственный старый дом. Поместье леди Клотильды утопало в густом тумане. Облупившаяся серая штукатурка, темные провалы окон и покосившиеся шпили на крыше создавали ощущение, будто этот дом давно умер и теперь медленно разлагался. Едва они переступили порог, Варфоломей вызвался занести их немногочисленные вещи в гостиную. Мэй, ведя за руку уставшего Ями, вошла в залу следом. В тусклом свете пыльной люстры она увидела то, от чего её разноцветные глаза опасно сузились. Варфоломей стоял у стола и своими длинными, бледными пальцами торопливо копался в её дорожной сумке, бесцеремонно перебирая личные вещи.

- Я не знала, что в обязанности гробовщика входит обыск чужого имущества, Варфоломей, - раздался в полумраке холодный, как лезвие бритвы, голос Мэй.

Мужчина вздрогнул и медленно повернулся к ней. Впервые при хорошем освещении девочка смогла детально разглядеть его лицо. Оно было бледным, с тонкими, хищными чертами. На левой щеке тянулся старый, блеклый шрам. В межбровье пролегла глубокая, резкая морщина, придававшая его лицу вечно недовольное или напряженное выражение. Делая шаг навстречу девочке, он заметно прихрамывал на левую ногу, сильно опираясь на свою трость с черепом. Варфоломей прищурился, глядя на неё своими ледяными, сверкающими глазами. На его лбу, прямо над глубокой морщинкой, вздулась венка. Он явно разозлился, что его пой-

мали с поличным, но мастерски взял себя в руки. Его лицо вновь приняло вежливое, почти приторное выражение.

- Я лишь хотел убедиться, что вы не привезли с собой ничего... опасного из подвала ваших родителей, - мягко произнес он своим гипнотическим голосом-кларнетом, - кстати, об этом. Где книги твоего отца по спиритизму и оккультизму? И где семейные реликвии? Я не нашел их среди ваших вещей.

Мэй сделала шаг вперед. Её черное вельветовое платье тихо шуршало, а атласный воротник плотно прилегал к бледной шее. Она посмотрела на него в упор — своим зеленым, как болотная земля, и небесно-голубым глазами.

- Книги и все вещи родителей принадлежат нам с Ями. И останутся у нас, — отрезала она. — Тебе не стоит беспокоиться о них, родственник.

Варфоломей вежливо промолчал, хотя морщинка между его бровей стала еще глубже. Он склонил голову в знак согласия, хотя в его прищуренном взгляде промелькнула опасная искра.

- Что ж, пусть будет так, — тихо ответил он, - позвольте мне проводить вас в ваши комнаты. Вы, должно быть, очень устали.

Он повел их по широкой, скрипучей деревянной лестнице на второй этаж. Шаги Варфоломея звучали странно: тяжелый стук каблука правой ноги, глухой шорох хромой левой и сухой стук трости.

Поместье изнутри казалось еще более жутким, чем снаружи. По углам висела вековая паутина, со стен смотрели потемневшие от времени портреты предков с выцветшими глазами, а в воздухе стоял тяжелый, затхлый запах сырости, старого дерева и сухих цветов, которыми обычно убирают покойников.

- Ваши комнаты здесь, на втором этаже, — Варфоломей указал на две массивные дубовые двери, расположенные прямо друг напротив друга, - Мэй, твоя комната справа. Ями, твоя — слева. Вы будете под присмотром друг друга.

- А где твоя комната? — спросила Мэй, подозрительно приподняв бровь.

- Мои покои и кабинет находятся на первом этаже, — Варфоломей улыбнулся своей вежливой, холодной улыбкой. — Я не люблю лестницы из-за своей ноги. И предпочитаю быть ближе к выходу. Если вам что-то понадобится ночью — не стесняйтесь звать. Но не советую вам бродить по дому без дела. Моя покойная мать оставила здесь слишком много... ловушек для любопытных.

Он слегка поклонился, развернулся и, опираясь на трость, медленно похромал обратно к лестнице. Оставшись одни в коридоре, Мэй и Ями переглянулись.

- Мэй... мне страшно здесь, — прошептал Ями, косясь на темные углы коридора, - Варфоломей очень странный. Зачем он рылся в наших вещах?

- Он ищет то, что ему не принадлежит, — тихо ответила Мэй, обнимая брата за плечи, - но мы ему ничего не отдадим. Заходи в свою комнату, закройся на засов. Я буду прямо напротив. Если услышишь что-то странное — сразу зови меня.

Ями послушно кивнул и скрылся за своей дверью.

Мэй зашла в свою комнату. Она была обставлена тяжелой готической мебелью из темного дуба. Огромная кровать под черным балдахином, пыльное трюмо и высокое окно, выходящее на окутанный туманом сад.

Она заперла дверь на тяжелый засов. Как только щелкнул замок, из-под её вельветового платья медленно выполз Чернобог. Змея соскользнула на холодный пол и, шипя, начала исследовать комнату. В это же время в окно тихо поскреблись когти. Мэй открыла раму, и на подоконник прыгнул мокрый, но довольный Бегемот. Кот сразу же подошел к хозяйке и потерся мордочкой о её туфли.

Мэй села на край кровати, кутаясь в черную шаль. Она знала, что эта ночь в жутком поместье Клотильды не будет спокойной.

Глава 3. Таинственная привязанность

Вечером Мэй и Ями спустились в гостиную. Здесь, в отличие от остальных ледяных комнат огромного поместья, горел камин. Огонь бросал тусклые янтарные отблески на потрескавшиеся кожаные кресла и старинные гобелены. Брату и сестре нужно было согреться и побыть вместе после тяжелого дня.

Вскоре к ним потянулись животные. Из темноты коридора плавной, царственной походкой вышел крупный рыжий кот с хитрым прищуром зеленых глаз. Его звали Ной. Следом за ним, словно маленькое пушистое облачко, семенила белоснежная кошечка по имени Белочка. Кот Бегемот, сидевший на коленях у Мэй, недовольно заурчал, прижав уши, но Белочка лишь изящно обошла его и устроилась на теплом коврик у камина.

С улицы, сквозь завывание ветра и плотный туман, донесся протяжный, настороженный лай.

- Это Гретта, — тихо сказал Ями, поглаживая Чернобога, который грелся у огня, - немецкая овчарка Варфоломея. Она охраняет двор. Она так похожа на нашего Грэя... Я скучаю по нему, Мэй.

- Мы вернемся к нему, Ями. Обещаю, — Мэй крепче набросила на плечи свою черную шаль.

В этот момент тяжелая дверь гостиной со скрипом приоткрылась. Раздался уже знакомый ритмичный звук: тяжелый шаг, глухой шорох хромой ноги и сухой стук трости. В комнату вошел Варфоломей. Без своей шляпы-цилиндра его кудрявые темно-русые волосы казались взъерошенными, а бледное лицо при свете огня выглядело почти серым.

- Позвольте присоединиться к вам? - спросил он своим глубоким, кларнетовым голосом.

Не дожидаясь ответа, он медленно опустился в свободное кресло напротив. Рыжий Ной тут же запрыгнул к нему на колени, а Белочка потерлась о его хромую ногу.

- Я искренне рад, что вы теперь здесь, под моей опекой, — Варфоломей улыбнулся.

Но эта улыбка выглядела натянутой. Морщинка в его межбровье стала еще глубже, превратившись в резкую, темную щель, а ледяные глаза сверкнули из-под прищуренных век с непонятной, лихорадочной силой. Когда он сел ближе, Мэй почувствовала, как воздух вокруг камина изменился. От Варфоломея исходил странный, тяжелый запах. Это был не просто запах благовоний или формалина, который часто сопровождает гробовщиков. Это был отчетливый, едва уловимый, но леденящий душу запах тлена, сырой земли и гнили. Словно этот человек проводил в могилах гораздо больше времени, чем среди живых. Ями инстинктивно вжался в кресло, почувствовав эту мертвенную ауру. Мэй же оставалась внешне абсолютно спокойной. Чтобы проверить свои догадки, она медленно поднялась. Её черное вельветовое платье зашуршало. Под предлогом того, чтобы поправить упавшие у камина щипцы для углей, она подошла ближе к Варфоломею и как бы случайно коснулась пальцами его бледной руки, лежавшей на подлокотнике кресла.

Её пальцы словно обожгло холодом. Варфоломей был ледяным. В его жилах будто текла не теплая человеческая кровь, а замерзшая колодезная вода. Но в ту же секунду, когда их кожа соприкоснулась, Мэй испытала сильнейшее потрясение. По её телу пробежала мощная волна странного тепла. Глубоко внутри, на уровне магии крови, она ощутила нечто невероятно родное, близкое и дорогое её сердцу. Это было то же самое чувство, которое она испытывала рядом с матерью и отцом. Варфоломей действительно был их плотью и кровью, их связь была неразрывной и древней. Эта темная магия, спавшая в их роду, тянулась от него к ней. Мэй медленно отстранилась и вернулась на свое место. Её разноцветные глаза блеснули в полумраке.

«Он — наша кровь, — думала она, чувствуя, как Чернобог беспокойно зашевелился под её атласным воротником. — Он чувствует то же, что и я. И это пугает. Но письмо Клотильды врать не может. Он опасен. Ему нельзя верить, какая бы родная сила от него ни исходила».

- Ты так пристально смотришь на меня, Мэй, - тихо заметил Варфоломей, заметив её замешательство, а его ледяные глаза сузились, - узнаешь во мне черты нашей семьи?

- Да, — холодно ответила девочка, кутаясь в шаль, - в тебе действительно очень много от нашей семьи, Варфоломей. Больше, чем ты думаешь.

Прикосновение к Варфоломею оставило в душе Мэй глубокий, беспокоящий след. Весь вечер она не могла избавиться от странного ощущения: несмотря на его ледяную кожу и пугающий запах тлена, внутри нее крепла непреодолимая тяга к этому человеку. Это была не просто симпатия. Казалось, Варфоломей — какая-то утерянная, темная часть её собственной души, без которой она так долго была неполной. От него веяло пугающим, но таким манящим домашним теплом. Однако разум, подкрепленный предостережением покойной Клотильды, продолжал шептать: «Не верь ему. Он опасен».

Этой ночью туман за окнами поместья сгустился еще сильнее, превратившись в плотную белую стену. Мэй лежала в своей постели под черным балдахином, чутко прислушиваясь к шорохам старого дома. Чернобог спал у нее в ногах, а Бегемот дремал на подоконнике.

Вдруг ночную тишину прорезал полный ужаса, отчаянный крик. Это был Ями. Мальчику снова снился тот же кошмар: разверстые могилы, сырая земля и мертвые родители, безмолвно тянущие к нему свои холодные руки.

Мэй мгновенно вскочила. Набросив на плечи черную шаль поверх своей ночной сорочки, она распахнула тяжелую дверь и выбежала в темный коридор второго этажа. У двери Ями, залитый призрачным лунным светом, уже стоял Варфоломей. Он был в своей ночной рубашке, без трости, сильно опираясь на дверной косяк из-за своей хромоты. Склонив голову, прищурив свои сверкающие ледяные глаза, он быстро и монотонно шептал что-то на латыни. В полумраке глубокая морщина на его переносице казалась темным шрамом.

- Что ты делаешь?! - резко спросила Мэй, подбегая к нему.

Её разноцветные глаза гневно блеснули. Варфоломей вздрогнул и медленно повернул к ней бледное лицо. Шепот прекратился.

- Я помогаю ему, Мэй, - тихо, но уверенно ответил он своим глубоким, кларнетовым голосом, - я же первый услышал его крик с первого этажа. Наша кровь имеет власть над кошмарами. Я шептал древнее заклинание покоя, чтобы заглушить его страх. Пойдем внутрь.

Они вместе вошли в комнату Ями. Мальчик сидел на кровати, обхватив колени руками, его била крупная дрожь, а на бледном лбу блестели капли пота. Мэй тут же опустилась на край постели и крепко обняла брата, шепча ему успокаивающие слова. Варфоломей медленно подошел с другой стороны. Его хромота тихо шуршала по ковру. Он протянул свою ледяную руку и мягко положил её на голову Ями. Удивительно, но как только его холодные пальцы коснулись волос мальчика, дрожь Ями начала утихать. Дыхание его выровнялось, а глаза, полные слез, медленно закрылись. Спокойный, глубокий сон мгновенно сморил его. Сила Варфоломея действительно подействовала.

Они тихо вышли из комнаты Ями, прикрыв за собой дверь. В коридоре Мэй повернулась к двоюродному брату. Её зеленый и голубой глаза изучали его лицо с глубоким недоверием.

- Ты действительно помог ему... — медленно произнесла она, скрестив руки на груди. — Но от тебя пахнет смертью, Варфоломей. И ты холодный, как покойник. Что ты скрываешь?

Варфоломей посмотрел на нее. В его прищуренных глазах промелькнула странная, глубокая печаль, сделавшая его шрам на щеке еще заметнее. Он не ответил на её вопрос. Вместо этого он сделал шаг вперед и неожиданно, очень бережно и нежно обнял её. Мэй замерла, но оттолкнуть брата она не смогла... Её худенькое и детское тело напряглось, но в ту же секунду,

когда его руки сомкнулись за её спиной, её снова захлестнула волна непередаваемого тепла. Это было то самое чувство — словно она вернулась домой, словно этот ледяной, пахнущий могилой человек был самым близким существом во всей вселенной. Её тянуло к нему с непреодолимой, мистической силой.

— Тебе не нужно бояться меня, Мэй, — прошептал он ей на ухо, и его голос-кларнет прозвучал удивительно мягко. — Я никогда не причиню вреда ни тебе, ни Ями. Мы — одна семья. И мы должны держаться вместе, чтобы выжить.

Он отстранился, ласково коснулся её бледной щеки своими холодными пальцами, слегка улыбнулся и, прихрамывая, медленно пошел к лестнице, ведущей на первый этаж. Девочка осталась стоять в темном коридоре. Её сердце бешено колотилось. Она чувствовала тепло его объятий, но в её кармане все еще лежало письмо Клотильды со страшным предупреждением. Кому верить — зову своей крови или предсмертным словам тети? Убедившись, что Ями крепко и безмятежно спит, Мэй тихонько прикрыла дверь его комнаты. Лицо девочки снова превратилось в бесстрастную маску. Нежность, которую она только что почувствовала в объятиях Варфоломея, испарилась, уступив место холодному, расчетливому разуму. Какая-то часть её души тянулась к нему, но разум кричал об опасности. И Мэй привыкла доверять разуму. Бесшумно, словно призрак, Мэй спустилась по скрипучей лестнице на первый этаж. Её ночное платье сливалось с темнотой, а шаль окутывала плечи, защищая от сквозняков. Кот Бегемот тенью скользил за ней, его желтые глаза светились в полумраке. Чернобог остался охранять сон Ями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.